

УДК 811

UDC 811

10.00.00 Филологические науки

Philology

**К МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ
ОСМЫСЛЕНИЮ РИТОРИКИ:
ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА 'REFLEXIO'**

**TOWARDS METHODOLOGICAL
INTERPRETATION OF RHETORIC: FORMING
A 'REFLEXIO' CANON**

Сухарева Ольга Эдуардовна
канд. филол. наук
SPIN-код: 5496-3585
*Тюменский государственный университет
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д.6
o_suhareva@inbox.ru*

Sukhareva Olga Eduardovna
Cand.Philol.Sci.
RSCI SPIN-code: 5496-3585
*University of Tyumen
625003, Tyumen, Volodarscogo street, 6
o_suhareva@inbox.ru*

Салтыкова Екатерина Алексеевна
канд. филол. наук
SPIN-код: 5250-3046
*Калужский государственный университет им.
К.Э. Циолковского
248023 Калуга, ул. С. Разина, 26
katya_saltykova@mail.ru*

Saltykova Yekaterina Alexeevna
Cand.Philol.Sci.
RSCI SPIN-code: 5250-3046
*Tsiolkovsky Kaluga State University
248023, Kaluga, Razina street, 26
katya_saltykova@mail.ru*

Васильев Лев Геннадьевич
д-р. филол. наук, профессор
SPIN-код: 7745-2596
*Калужский государственный университет им.
К.Э. Циолковского
248023 Калуга, ул. С. Разина, 26*

Vasiliev Lev Gennadyevitch
Dr.Philol.Sci., Professor
RSCI SPIN-code: 7745-2596
*Tsiolkovsky Kaluga State University
248023, Kaluga, Razina street, 26*

Рассматривается вариативность вариативность трактовок риторики и риторических принципов описания общения в западно-европейской традиции XVII – XVIII вв. Характеризуются британские неоклассицизм и беллетристика, эпистемология, рационализм как внешние парадигмы – reflexio – для собственно риторических концепций

The article considers combinativity of speech strategies and tactics in a public political address as markers of a general intention within a framework of a background strategy of self-presentation. The research methods of speech architectonic are determined. Structural and composite elements of a presidential speech are analyzed. Communicative strategies and tactics as means of an effective self-presentation are described

Ключевые слова: РИТОРИКА, ТОПОС, СИЛЛОГИЗМ, КАНОНЫ, НЕОКЛАССИЦИЗМ, БЕЛЛЕТРИСТИКА, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, РАЦИОНАЛИЗМ

Keywords: RHETORIC, TOPOS, SYLLOGISM, CANONS, NEO-CLASSICISM, BELLE-LETTRES, EPISTEMOLOGY, RATIONALISM

**К методологическому осмыслению риторики: формирование канона
'Reflexio'**

Современные отечественные исследования по риторике имеют уже весьма солидную историю. Однако в них, за редким исключением (напр., [1])

речь идет либо об общих проблемах риторики, либо о конкретных техниках (из пяти известных канонов), приложимых к тому или иному виду дискурса.

Между тем, мировая риторика имеет свои традиции, историю и свои моральные установки. Поскольку эти моменты до сих пор изучены не во всех аспектах, их освещение представляет отдельную важную задачу. В настоящей статье речь пойдет в рамках дополнительного внешнего канона *reflexio* – о некоторых традициях, заимствованных из средневековой европейской риторики в современную. Мы излагаем методологические позиции, связанные с риторикой, выдвинутые наиболее крупными учеными, не обязательно являющимися собственно риториками: в этом состоит междисциплинарный пафос настоящей статьи.

Неоклассицизм и беллетристика в Великобритании охватывают период «эпохи английского интеллектуализма» 1700-1740 гг. Наиболее крупные его представители – Дж. Свифт, А. Поуп, Дж. Дрейден, отстаивавшие идеи классиков Др. Греции и Рима. Английский язык для выживания должен, по их мнению, следовать, канонам, заложенным в классических работах древних. Следуя Горацио, августинцы установили стандарт эффективной письменной речи, и он также предусматривал следование канонам классиков. Чтобы стать хорошим писателем, оригинальность не нужна, за исключением выбора средств элокуции; старые истины должны описываться в новой и интересной манере. Критерий успеха стиля – ясность изложения. Поэтому излишним считалось использование вычурных образов, неоднозначных слов и многословных выражений.

Беллетристика – второе направление в британской риторике, методологически близкое британской эпистемологии. Идеи заимствовались как (А) древних, так и из (Б) современников.

(А) Из Аристотеля были взяты: модель коммуникации (отправитель,

получатель, сообщение); различение этического, логического и патетического доказательств; признание воздействия ситуации на выбор оратором материала и развития тем; приверженность простоте стиля. Из Цицерона и Квинтилиана заимствовано: определение риторики как единой гипер-науки, состоящей из пяти канонов (инвенции, диспозиции, стиля, запоминания и произнесения); трехчастное разделение целей дискурса на инструктирование, доставление удовольствия и призыв к действию, а стиля – на простой, средний и высокий; роль природы, имитации и использование моделей в формировании оратора или писателя. Из Лонгина «О возвышенном» взяты идеи соединения риторики и поэтики в единую когерентную систему, а также признание значимости вкуса и величественности.

(Б) Из современников были заимствованы принципы психологии познавательных способностей, осознание функции разума в критике, примеры красноречия, демонстрирующие возможности слова родного языка. Беллетристика расширяла риторику так, что последняя включала не только устную ораторику, но и письменную речь и критику. К этому течению принадлежат А. Смит, Х. Блэр.

Адам Смит как ритор делал акцент на разнообразии форм речи. При разработке традиционных канонов в «*Лекциях о риторике и беллетристике*» использовал данные из ораторского, поэтического, драматического и исторического наследия, сопоставляя их функции, цели, структуру и сущность. Рассматривая три формы красноречия – демонстративную, судебную и совещательную – он стоял близко к классическим канонам. Основной целью риторики считал убеждение, суммируемое продуманными аргументами и эмоциональностью, а вторичной целью – информирование. Для подхода Ф. Смита характерна разработка общего неоклассического понятия *декорума*, или социальной нормы.

Хью Блэр – один из наиболее популярных риторов того времени, создатель системного исследования пяти областей знания в своих 47 Лекциях о риторике и беллетристике [3]: (1) критика, вкус и гениальность (*genius*); (2) язык; (3) стиль; (4) красноречие; (5) литературные темы (поэзия, история, философия). Х. Блэр соединил демонстративную и делиберативную ораторику в единое целое под названием *красноречие публичной ассамблеи* и добавил в нее *церковное красноречие* (проповедь). Первый раздел демонстративной ораторики («ораторика по особым случаям») предназначена для удовольствия. Юридическая ораторика имеет более высокую цель – интеллектуальное/конвиктивное убеждение (*conviction*). Основная цель совещательной и церковной ораторик - эмоциональное/персуазивное убеждение (*persuasion*).

Трактовка инвенции у Х. Блэра включает использование интеллекта; он считал Аристотелевы топосы непродуктивными для формирования введения линии рассуждения, по крайней мере, в персуазивной речи – в ней надо сосредоточиться не на античных топосах, а на собственно предмете. По его мнению, риторические правила мало что дают для улучшения инвенции. Х. Блэр разработал критический метод, вбирающий черты неоклассицизма, рационализма, эпистемологии и романтизма.

К этому времени кардинально изменилась религиозная ситуация. Если до 1660 г. мир рассматривался как обитель греха, населенный порочными людьми, то позднее религия стала менее влиятельной и испытывала воздействие рационализма; многие мыслители проповедовали разновидность деизма – одни верили в существование чего-то высшего, другие почти не верили. Именно против этой утраты веры обратил свои проповеди Х. Блэр в церкви St. Giles в Эдинбурге. Х. Блэр получил признание у протестантской церкви не за религиозное красноречие, а за умение выстроить релевантный

неагрессивный дискурс, который закрыл дорогу к безбожию.

Одним из центральных понятий британской риторической теории является понятие вкуса. Согласно Х. Блэру, вкус не является производным разума, но связан с ним: его принципы могут быть рационализированы. Мы получаем удовольствие в связи с нашим естественным чувством прекрасного, а разум показывает нам почему мы получаем удовольствие. Характеристики вкуса – острота и правильность. Острота подразумевает усмотрение различий, которые не видят другие. Правильность связана с пониманием того, что действительно прекрасно, а что безвкусно. Острота больше связана с ощущением, правильность – с разумом. Х. Блэр отмечал зависимость вкуса от природы и культурного фона индивида. Стандарт вкуса определяется (а) по консенсусу среди людей, (б) по соответствию природе (простота VS. вычурность стиля; логичный VS. скомканный сюжет и т.д.), (в) с рациональной точки зрения – умением объяснить, привести доводы в защиту точки зрения. Но раз и навсегда заданных стандартов нет, и их установление возможно через дискуссию.

Эпистемология. Европейская гносеология инициировала естественно-научный подход, противостоящий классической дедукции и акцентировала экспериментальный метод, основанный на индукции. Наиболее сильное влияние из эпистемологов на риторику оказали Ф. Бэкон и Р. Декарт.

Фрэнсис Бэкон предложил тотальную реформу человеческого знания, утверждая, что основой знания являются три части человеческого понимания: История в отношении к Памяти, Поэзия – к Воображению, Философия – к Разуму. Задача риторики – применить Разум к Воображению для наилучшего осуществления воли. Важнейшей частью бэконовской риторической теории была трактовка инвенции. В отличие от древних, он отказывается от роли

поиска в формулировании аргументов и сбора данных и обращается к элементу «воспоминание» – так как оратор обычно *воспроизводит* в речи то, что уже знает. Как происходит извлечение из этого знания – Ф. Бэкон дает ответ на пересечении классического и инновационного подходов: соответственно, с помощью обращения к конкретным топосам и к четырем типичным случаям (commonplaces).

(1) Цвета Добра и Зла. Это оттенки значений и список возможных попутных ошибок в конкретных аргументах, ср. софизм, рассчитанный на незнания и предрассудки: *What men praise and honour is good; what they dispraise and condemn is evil.*

(2) Антитезисы (antitheta) включает тезисы, которые можно аргументировать «за» и «против». В работе *De augmentis* перечисляется 47 тезисов, выраженных как утвердительно, так и отрицательно. Эта техника помогает ответить на возможные возражения оппонента, и взвешивание *за* и *против* дает возможность прийти к правильному выводу.

(3) Формулы – это речевые модели, готовые к употреблению; они помогают уменьшить воздействие аргументов оппонента, например: «*Перейдите к сути дела – Но ведь Вы же не станете ее обсуждать*».

(4) Апофегмы (apothegms) – это лаконичные речи или выражения, которые можно вставлять в речи, например, *Когда дельфийский оракул назвал Сократа мудрейшим в Греции, он ответил: «Я мудр, и знаю об этом, другие не мудры, но не знают об этом».*

Существует четыре потенциальных ошибки – «идолы» *Идолы Племени* – ингерентные ограничения, связанные с общей природой всех людей, например, беспокойство, ограниченность, излишняя эмоциональность. *Идолы Пещеры* – это уникальные качества и опыт индивида. *Идолы Рынка* связаны с практикой общения и с искажениями (например, значений слов) в

ней (путаница слов и вещей, поспешные дефиниции) и это наиболее опасные ошибки, ибо они затрудняют понимание. *Идолы Театра* – это ошибки, проистекающие из неверного или некритического использования информации, поступающие к человеку из различных философских догм и неверных законов доказательства, в результате чего создается неправильная картина мира или неправильные возможные миры. Два других аспекта философии Ф. Бэкона также имеют осязаемое отношение к выстраиванию риторической теории XVIII в.

Во-первых, это отрицание Аристотелева (риторического) силлогизма как продуктивного средства установления основных законов. По Ф. Бэкону, силлогизм не имеет отношения к существу вещей, так как состоит из пропозиций, те – из слов, а слова суть признаки и символы понятий. И если сами понятия, имеющиеся в мозгу человека, неточно или поспешно абстрагированы от фактов, неоднозначны, недостаточно определены, т.е. несовершенны в целом ряде отношений, все здание рухнет. Во-вторых, Ф. Бэкон принадлежал к числу ранних английских прозаиков, стремившихся заменить модный высокий стиль более ясным и близким к аттическому, ибо научные идеи пристало выражать именно им. Иначе говоря, он выступал против классического красноречия, а это было первым шагом к идее о простоте стиля, которая позже, в XVIII в., стала доминирующей в риторике.

В своем *Рассуждении о методе* Рене Декарт считал, что риторический силлогизм не в состоянии исследовать неизвестное и отделить истинное от ошибочного. Р. Декарт отдавал предпочтение математической истинности в противовес вероятности силлогизмов. В его методе – четыре основных компонента. При неясности вывода надо (1) принимать только те утверждения, которые можно верифицировать при помощи доказательства, не оставляющего места для сомнений; (2) разбить все сложные аспекты

предмета на максимально возможное число частей; (3) следовать модели исследования, предполагающей амплификационный порядок и последовательность «причина-следствие»; (4) использовать сквозную (all-inclusive) систему нумерации, чтобы избежать пропусков.

Основу метода Р. Декарта составляла вера в то, что разум в состоянии определить истину и дисциплинировать воображение. Он отстаивает преимущества эксперимента перед дискуссией, исследования перед общением, действия перед наблюдением, порывая тем самым со всеми предшествующими логическими учениями. Работа Р. Декарта стала настольной книгой для логиков и риторов Пор-Рояля, которые, в свою очередь, оказали влияние на британскую научную мысль. 2-издание *Логики Пор-Рояля* написано целиком в духе картезианства и потрясло устои традиционной риторической теории. Вслед за Р. Декартом и Н. Буало А. Арно и П. Николь считали, что истинность есть высшая цель жизни. Поэтому единственно приемлемой моделью коммуникации является та, которая придерживается принципов геометрии, требующих демонстрации, основанной на ясных дефинициях, аксиомах и отношениях «причина результат». В такой системе нет места схоластической концепции силлогизмов, типичным случаем, которые подменяют реальность правдоподобием, а также эмоциональным призывом. Итак, характерным для традиции Р. Декарта можно признать общий анти-риторический пафос: поскольку риторика не может продуцировать истину, ее можно оставить в лучшем случае для целей передачи тех принципов, которые может обнаружить логика и эксперимент.

Джон Локк считал, что риторика – это мощный инструмент обмана и ошибок. Согласно его теории идей, размышление о сенсорном опыте продуцирует идеи, а рассуждение позволяет нам объединить кажущиеся разрозненными идеи при помощи законов ассоциации. Этот подход привел

его к отказу от силлогизмов, ибо они ни доказывают, ни укрепляют уже имеющиеся связи между двумя идеями; силлогизмы, по его мнению, также не дают аргумента и не приводят к моральной истине. Способность к умозаключению, дарованная человеку свыше, дает нам возможность усмотреть ассоциации и определить, являются ли идеи когерентными. Поэтому, по Дж. Локку, понимание не есть результат обучения методам силлогизирования. Это безусловно новое ограничение на силлогистику по сравнению с Ф. Бэконом, Р. Декартом и Пор-Роялем.

Джамбаттиста Вико был социологом и ритором. Его воззрения основывались на подходе Цицерона, для которого риторика – это полезное искусство, предназначенное помогать людям решать жизненные проблемы и помогать им тем самым стать более деятельными и влиятельными. По Дж. Вико, риторика есть форма практического знания, основанного на принципе вероятности. Людей невозможно мотивировать к действию пока не будут разбужены их эмоции. Правдоподобие, создаваемое посредством дискурса на основе аристотелевых топосов или способов (линий) аргументации, эффективнее для изменения поведения адресата, чем простое приведение физических фактов. Дж. Вико приравнивал инвенцию к топосам и считал цицероновскую теорию правдоподобного ключом к знанию. Фактически, система, построенная Дж. Вико, противостояла анти-риторическому рационализму Р. Декарта [2].

Философия рационализма в XVIII в., получившая импульс от Декарта, имела три важнейших признака: (1) осознанную потребность в логике для изучения человека и социума; (2) убежденность в достижимости надежного знания; (3) веру в способности человека улучшить общество.

В британских рационалистских психолого-философских воззрениях на дискурс акцент делался на изучение уникальных способностей человека к

абстрактному мышлению и общению на знаковом уровне. Поэтому чтобы понять мышление человека, необходимо распознать природу и функцию дискурса. По этой причине ученые разной ориентации обратили свой интерес на риторику. Целью являлось выстроить риторику в соответствии принципами природы человека; для этого были задействованы знания фундаментальных релевантных для риторики элементов классицизма, соединенные с новейшими научными достижениями, имеющими социальную значимость.

Дэвид Юм синтезировал классические взгляды Цицерона и Дж. Локка: в своем *Enquiry Concerning the Principles of Morals* он иллюстрирует свою теорию добродетели длинной выдержкой из *De Oratore*, а свои *Диалоги* выстроил по образцу *De Natura Deorum* Цицерона. Его заинтересовали подход Локка к классификации познавательных способностей, его теория ассоциации и его тезис о примарности эмоций. Д. Юм приходит к выводу, что мышление человека движется от одной идеи к другой через три качества: (а) подобия (resemblance); (б) сопряженности времени и места; (в) принципа ‘причина – следствие’.

По Д. Юму, человеческие мотивации проистекают из эмоциональной природы человека, поэтому (=Локку), воззвание к чувствам/страстям удовольствия и боли необходимы для убеждения воли действовать. Но Д. Юм идет дальше Дж. Локка, утверждая, что разум всегда есть и должен быть лишь рабом чувства/страстей. Утверждая, что впечатления сильнее идей, а экспериментальный метод намного превосходит дедуктивный, он присоединяется к Р. Декарту и Дж. Локку в отрицании силлогизмов как эффективного инструмента изучения человеческой природы.

Д. Юм развивает риторическую теорию еще в одном отношении. Если Аристотель отводил не-умозрительному доказательству (клятвам,

свидетельствам, документам и т.п.) подчиненную роль, Д. Юм как историк, философ и психолог высоко ценил факты как форму риторического доказательства – например, чудес. Ср. конспект его мнений: (1) Чудеса нарушают законы природы; (2) Мы не можем доказать существование чудес при помощи свидетельств (их либо мало, либо они сделаны не учеными, либо люди были психологически готовы увидеть чудо, либо чудес нет сегодня; либо им противоречат свидетельства других людей). (3) Вера в чудеса есть результат веры, а не разума [4].

Рассмотренные нами методологические системы содержат весьма непохожие основания для построения риторических концепций. Это неудивительно, если принять во внимание естественный ход европейской философской и научной мысли. В собственно риторических системах, которые лежат в основе практических построений, зачастую причудливым образом переплетаются элементы эмпиризма, рационализма и иных течений. Возможная эклектичность таких построений, тем не менее, не должна служить основанием для отвержения той или иной риторической системы, поскольку последние ориентированы прежде всего на их практическое применение. Однако усмотрение рассмотренных в настоящей статье признаков как характерных для конкретной риторической системы представляется не только целесообразным, но и вполне необходимыми, коль скоро мы идем по многотрудному пути научного поиска.

Список литературы

1. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. – М.: Наука, 1991. – 215 с.
2. Сухарева О.Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога (на материале публичной речи): Дис. канд. филол. наук. – Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2009. – 202 с.
3. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Léttres. – Philadelphia: Zell, 1862. – 387 p.
4. Golden J.L., Berquist G.F., Coleman W.E. The Rhetoric of Western Thought. – 3rd ed. – Dubuque (Iowa): Kendall/Hunt, 1983. – 476 p.

References

1. Bezmenova N.A. Oчерki po teorii i istorii ritoriki. – M.: Nauka, 1991. – 215 s.
2. Suhareva O.E. Zapadnaya ritoricheskaya traditsiya i problema ubeditelnosti monologa (na material publichnoy rechi): Dis. ... kand. filol.nauk. – Kaluga: Kaluzhskij gos. ped. un-t, 2009. – 202 s.
3. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Léttres. – Philadelphia: Zell, 1862. – 387 p.
4. Golden J.L., Berquist G.F., Coleman W.E. The Rhetoric of Western Thought. – 3rd ed. – Dubuque (Iowa): Kendall/Hunt, 1983. – 476 p.